

Костенко Маргарита Анатольевна – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Южный федеральный университет»; e-mail: costenko@tgn.sfedu.ru; 347928, г. Таганрог, пер. Некрасовский, 44; тел.: 88634311427; кафедра гражданского и корпоративного права; к.ю.н.; доцент.

Kostenko Margarita Anatol'evna – Federal State-Owned Autonomy Educational Establishment of Higher Vocational Education "Southern Federal University"; e-mail: costenko@tgn.sfedu.ru; 44, Nekrasovskiy, Taganrog, 347928, Russia; phone: +78634311427; of the department civil and corporate of law; cand. of jur. sc.; associate professor.

ББК 67.3

В.В. Клочков

СИСТЕМА ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ВЕЛИКОБРИТАНИИ В XVIII В.

Рассматривается анализ характерных черт системы политического представительства Великобритании XVIII века. Автор рассматривает эволюцию системы политического представительства в данный период как важное звено в процессе перехода от персональной монархии к парламентской. В числе важных элементов такой эволюции рассматривается перераспределение прерогативных полномочий, трансформация парламентских фракций и кабинета министров. В работе проводится связь между политической историей Великобритании XVIII века и созданием предпосылок конституционных механизмов политического участия современного типа. Внимание также уделяется обзору историографии по данной проблеме.

Политическое представительство; Великобритания; парламент; аристократия; монархия; избирательная система.

V.V. Klochkov

A SYSTEM OF POLITICAL REPRESENTATION IN EIGHTEEN-CENTURY GREAT BRITAIN

This article analyses characteristic features of a system of political representation in eighteenth-century Great Britain. Author considers an evolution of a system of political representation in this period as an important stage in the process of transition from the personal monarchy to the parliamentary one. Among the important elements of this evolution author gives a consideration of redistribution of prerogative powers, transformation of parliamentary factions and the Cabinet. Paper draws our attention to the connection between political history of eighteenth-century Great Britain and creation of conditions for constitutional mechanisms of modern political participation. An overview of the historiography on this subject is also focused on.

Political representation; Great Britain; Parliament; aristocracy; monarchy; electoral system.

В истории эволюции политической системы Великобритании XVIII в. занимает особое место. Политические потрясения предыдущего столетия уступили место достаточно спокойной эволюции. Однако, несмотря на достаточную изученность периода в целом, среди исследователей нет единства в отношении характера политических изменений, происходивших в этот период.

Обычно подчеркивается, что уже в конце XVII в. в стране был установлен политический режим конституционной монархии. В этом случае политическая история страны в XVIII в. рассматривается как совокупность прецедентов, способствующих формированию современных конституционных механизмов взаимодей-

ствия монархии, парламента и кабинета министров. Также прослеживается история формирования современных институтов политического участия, в частности, эволюция партийной системы и движение за реформу политического представительства, нашедшее свое наиболее яркое выражение в событиях 1832 г. [1, 40–41].

Более осторожный подход к проблеме основывается на том, что и после «Славной революции» монархия поздних Стюартов сохраняла персональный характер. Описание трансформации политических институтов в ходе событий 1688–1689 гг. как перехода от «абсолютной» монархии к «конституционной» рассматривается как некоторое упрощение. Монархия Вильгельма III и Марии имела источником своей легитимности парламентский акт. Это уже само по себе является крайне необычным в английской конституционной практике, всегда рассматривающей законодательство в качестве экстраординарной меры. Эта монархия оставалась персональной в том отношении, что пределы королевской власти устанавливались не парламентом, а королевской прерогативой, фиксированной в своих границах парламентскими актами там, где она затрагивала права и свободы подданных. Английское политическое устройство имеет своим фундаментом общее право, и принцип господства права служит формой конституции. Поэтому английская монархия в начале XVII в. может быть описана как конституционная с теми же основаниями, что и ее наследница после 1689 г. Английский парламент в это время не обладал какими-либо исключительными полномочиями, которые были бы неизвестны средневековым ассамблеям. Следует обратить внимание не столько на то, как часто собирается парламент, сколько на то, какую роль он выбирает в отношениях с короной в рамках ординарной королевской прерогативы. Также важно, какие прерогативы английской короны постепенно попадали под контроль парламента и начинали со временем рассматриваться, как его полномочия.

Поскольку парламентской монархией обычно именуется форма правления, при которой процесс назначения министров предполагает наличие консультационных механизмов между монархией и парламентом, а контроль за надлежащим исполнением ими своих обязанностей относится к сфере парламентских полномочий, то такая система в ходе «Славной революции» установлена не была. Поэтому более осторожный историографический взгляд исходит из того, что эволюция политической системы страны в XVIII в. может быть описана как постепенная трансформация институтов власти и политического участия в направлении от персональной к парламентской монархии [4, 118–132; 12, 376–384].

Главным элементом эволюции политической системы в данном направлении стал постепенный переход ряда прерогативных полномочий монархии в руки парламента, связанный с постепенным формированием принципа ответственности правительства. Кроме того, прекращение обращения короны к прерогативному праву вето и использование парламентского большинства как надежной опоры достижения необходимого результата при решении самых различных вопросов текущей политики стали важными аспектами такой эволюции. Появление в парламенте прообразов политических партий, оформленных в виде аристократических фракций, использующих влияние при дворе в качестве одного из ключевых инструментов текущей политики, а также оформление кабинета министров в качестве органа, относительно самостоятельного в процессе принятия политических решений, дополняли картину очень сложной эволюции английской политической системы в XVIII в. Парламентская процедура способствовала оформлению системы «парламентского» правления, но оформление современной конституционной системы было связано с реформой политического представительства, проведенной в 1832 г.

Система политического представительства в XVIII в. отличалась исключительной традиционностью. В своих основных чертах она оформилась на рубеже XIII–XIV вв. и к исследуемому времени сохранилась практически неизменной. Правом посылать своих представителей в нижнюю палату парламента обладали графства и некоторые города. При этом уже в XVIII в. стали очевидны характерные особенности системы политического представительства, благодаря которым английский парламент, будучи важнейшим институтом политической власти в английской конституционной системе, фактически представлял сам себя.

Прежде всего, английские и ирландские графства посылали в парламент по два представителя, независимо от числа избирателей. Между тем, к концу XVIII в. их количество колебалось от 17 тысяч человек в Йоркшире до 609 в Ратленде. Демографический рост второй половины XVIII в. привел к тому, что города с числом избирателей более 5 тысяч, имели такое же представительство в парламенте, как и «гнилые местечки», в которых число избирателей не превышало 10–12 человек. Хрестоматийный пример – городок Гаттон в графстве Саррей, имевший лишь шесть избирателей. Естественно, выборы в таких местечках было легко контролировать, чем активно пользовались крупные земельные собственники.¹ Ситуация оставалась таковой и в начале XIX в. Даже знаменитый премьер-министр первой трети XIX в. Р. Пиль, по сути дела, никогда не сталкивался с проблемой публичных парламентских выборов: в 1809 г. он был избран от ирландского «карманного местечка» Кашел Сити благодаря патронажу Артура Уэллесли [11, 28].

С другой стороны, быстрый рост населения в новых промышленных регионах Северной и Центральной Англии, привел к тому, что диспропорции парламентского представительства между промышленным севером и аграрным югом страны становились просто вопиющими. Графство Ланкашир с населением в 1,3 миллиона человек в парламенте представляли 14 депутатов, а Корнуолл, в котором не проживало и 0,3 миллиона человек, имел в парламенте 42 депутата, т. е. втрое больше.

Право голоса на выборах в городах предоставлялось, в зависимости от местных традиций, различным категориям населения. Сюда входили получившие свободу по средневековому городскому праву (*freeman boroughs*), обладатели земельной или иной недвижимой собственности в черте города (*burgage boroughs*), плательщики местных налогов (*scot and lot boroughs*), домохозяева (*potwalloper boroughs*) или члены городских корпораций (*corporation boroughs*). Все это делало избирательную систему в городах чрезвычайно сложной и запутанной [15, 52–53; 12, 376–384; 2, 9–13]. Насколько далека была подобная система политического представительства от современных стандартов, свидетельствует то обстоятельство, что в 1781 г. из примерно 8 миллионов населения Англии и Уэльса избирательным правом пользовались едва ли 0,3 миллиона человек. Даже накануне парламентской реформы 1832 г. избирательным правом обладали 366.250 человек из общего числа населения в 14 миллионов человек, т.е. не более 5–7 % взрослого мужского населения страны [12, 380].

Крайняя ограниченность числа избирателей дополнялась тем обстоятельством, что основным способом избрания депутатов было открытое голосование. Это предоставляло широкие возможности для местной аристократии в осуществлении контроля за ходом и результатами голосования, а также для оказания давления на избирателей, которое широко применялось при голосовании в «гнилых местечках» (*rotten boroughs*). Случалось, что имеющие права голоса лица предпочитали вообще склониться от участия в выборах в том случае, если их политические предпоч-

¹ О том, как выглядела процедура выборов в середине XVIII в. см.: [3].

тения не совпадали с пристрастиями местного патрона. Не в последнюю очередь такое поведение было связано с желанием избежать негативных последствий волеизъявления [1, 42; 6, 78]. К началу XIX в. число «гнилых местечек» достигало 200 из 658 мест в палате общин в целом, т.е. почти каждое третье место целиком зависело от пристрастий местной аристократии [8, 122; 20, 228–229; 5, 88–92]. Только в каждом десятом из таких округов число избирателей превышало 1.000 человек. В каждом шестом округе число избирателей составляло от 500 до 1.000 человек, в остальных же округах количество избирателей редко превышало 100 человек. Таким образом, примерно 150 мест в палате общин могли считаться полностью зависимыми от политических пристрастий местных лендлордов и фактически были устранены от реального политического соперничества [1, 42; 12, 379].

Еще одним показательным моментом, характеризующим корпоративный характер системы политического представительства до парламентской реформы 1832 г., является количество избирательных округов, в которых имело место соперничество кандидатов на выборах. Из 243 английских избирательных округов в период с 1784 по 1831 г. максимальное количество случаев, когда имело место соперничество кандидатов, не превышало 70–75, т.е. едва ли каждое третье место в парламенте становилось источником столкновения интересов внутри политической элиты. Только на выборах 1818 и 1826 гг., имеющих принципиальное значение, этот показатель доходил до 90–95 мест, в прочих же случаях он мог опускаться до 50–55 мест. Это означало, что политическая борьба велась только за каждое пятое место в парламенте [8, 124].

Политический контроль аристократии над процессом формирования парламента проявлялся и в том, что крупные лендлорды, на землях которых располагалось несколько избирательных округов, обладали возможностью конвертировать контроль выборного процесса в политическое влияние. Есть все основания полагать, что такой «электоральный ресурс» ценился очень высоко: места в парламенте открыто продавались и покупались, будучи весьма ценной собственностью. Известно, что средняя цена одного парламентского кресла на протяжении XVIII в. возросла как минимум втрое и составила в первой трети XIX в. примерно £ 5.000–6.000 [19, 35; 1, 42–43].

По всей видимости, представление о том, что парламентские выборы в XVIII в. оказывали стимулирующее влияние на политическую жизнь страны, имеет мало общего с действительностью. Так, на выборах в 1761 г. борьба велась только за 42 места из 203, принадлежащих городам, и только за 4 из 40, предоставленных графствам. По-видимому, именно такая ситуация была нормой, а не исключением из правила. Многие места, принадлежащие городам, как уже отмечалось, рассматривались фактически как собственность тех, кто их занимал [4, 123].

Система политического представительства, основанная на корпоративных связях, органично дополнялась развитой системой патронажа внутри парламента. На протяжении XVIII в. количество мест в нижней палате парламента, кандидатов на которые определяли члены палаты лордов, постоянно возрастало. Конечно, сложно говорить о достоверной статистике, но, согласно данным, приведенным одним из наиболее известных исследователей проблем парламентского патронажа Дж. Кеннона, в 1705 г. пэры контролировали 105 мест в палате общин. В 1747 г. эта цифра возросла до 167 мест, а в 1784 г. – до 197 мест. На протяжении XVIII в. число парламентариев, связанных с пэрами клиентскими узами, возросло вчетверо. В 1784 г. 304 из 558 членов палаты общин были так или иначе связаны с пэрами. Не будет преувеличением сказать, что церемонии открытия парламентских сессий во времена Георгов напоминали семейные встречи [4, 123–124; 7, 104–115, 122].

Корона и кабинет министров, таким образом, всегда имели необходимый резерв из «гнилых местечек», который мог быть задействован в нужный момент для обеспечения необходимой политической поддержки. Владельцы таких местечек могли продавать голоса избирателей в обмен на выгодную синекуру или политическое покровительство. «Гнилые местечки» служили не только способом обеспечения политического влияния, но и средством обогащения [1, 43].

Подобная система политического представительства ставила нижнюю палату парламента в зависимость от лордов. Члены парламента, избираемые от «гнилых местечек», были так или иначе зависимы от политических предпочтений патрона, поскольку именно он организовал проведение выборов и их необходимый результат, нередко оплачивая все неизбежные в такой системе издержки. Хотя клиентские связи вовсе не означали прямую зависимость от патрона, однако обстоятельство, что именно они обеспечивали должное поведение парламентариев при проведении голосования по ключевым вопросам текущей политики, не подлежит сомнению [18, 354].

Таким образом, система представительства как один из институтов политического участия, существовавшая в XVIII в., превращала парламент в институт политической власти, представляющий не столько избирателей, сколько политическую элиту страны как таковую. Есть все основания предполагать, что политическое представительство было организовано таким образом, что позволяло примерно двум тысячам семей контролировать всю текущую политическую повестку.

Что касается королевской прерогативы, то корпоративное политическое представительство служило главной гарантией от чрезмерной финансовой зависимости королевской власти от произвольных решений парламентариев. Корона избегала такой зависимости, распределяя между ними свое покровительство. Подобно тому, как Тюдоры двумя столетиями ранее обеспечивали себе гегемонию на национальном уровне, используя систему патронажа, так и Ганноверы стремились придать стабильность правительству, тщательно «формируя» парламент. В контексте отсутствия конституционного конфликта между короной и представительством регулярные парламентские сессии становились скорее благом, а не злом. В правление «великолепных Георгов» ни один парламент не отказывался вотировать необходимые короне субсидии и никогда не настаивал на их обязательном возмещении. В этом отношении парламент являлся посредником, при помощи которого корона выстраивала свои отношения с политической элитой [16, 204; 14, 305; 9, 42–118].

Существенным аспектом, способным пролить свет на характер персональной власти, которую сохранили за собой монархи ганноверской династии, является характер парламентского законодательства в XVIII в. Основную его массу составляли билли, лично внесенные членами парламента (*personal bills*). В течение столетия благодаря процедуре частных биллей (всего более 1.200) было подвергнуто огораживанию более трех миллионов акров земли, тогда как строительству каналов и дорог было посвящено не более сотни парламентских актов. Корона, в полном соответствии с традицией, практически не проявляла интереса к законодательной деятельности и редко требовала от парламента принятия новых законов. За весь XVIII в. не наберется и двух десятков случаев, когда такое использование прерогативных полномочий имело место. Исполнительная власть английской короны, если осторожно использовать более привычный сегодня термин, целиком и полностью вписывалась в рамки ординарной королевской прерогативы [17, 2–4; 13, 23–27; 10, 68–91].

Внимание большинства современных исследователей привлечено к исследованию недостатков системы политического представительства, основанной на личных и корпоративных связях. Между тем, до середины XVIII в. эта система в большинстве случаев оценивалась как имеющая некоторые достоинства. Главным из них была способность независимым от правительства кандидатам избираться в небольших избирательных округах. В сочетании с парламентской процедурой, предоставляющей оппозиции в стенах парламента широкий спектр возможностей, такая система действительно способствовала достижению консенсуса по текущим вопросам политической повестки [1, 75].

Однако уже в последней трети XVIII в. в полемике между тори и вигами начинают звучать обоснования необходимости реформы политического представительства. К тому времени становится очевидным, что ни положительные для оппозиции аспекты парламентской процедуры, ни возможность провести в парламент независимых от правительства кандидатов не искупают фундаментальных пороков системы. Чрезвычайно ограниченный круг избирателей, коррупция и злоупотребления на выборах лишали политическую элиту возможности формировать адекватную политическую повестку именно тогда, когда роль парламента в политической системе оказалась как никогда велика. Иначе говоря, уровень политической ответственности представительства в период существования «парламентской» монархии оказался слишком высок для существующей системы политического представительства [10, 88–90].

В последней трети XVIII в. в нижнюю палату парламента вносилось несколько биллей, предполагающих более или менее значительные изменения в системе политического представительства. В мае 1783 г. У. Питт-младший внес в парламента законопроект, предполагающий «не изменить, но обновить дух Конституции так, чтобы не нарушить ее существующую форму». Предполагалось предпринять ряд мер, способствующих искоренению коррупции на выборах, создать специальный комитет палаты общин для рассмотрения вопроса о том, какие из «гнилых местечек» следует лишить права посылать представителей в парламента, а также увеличить численность нижней палаты. Законопроект был провален во втором чтении (293 голоса против 149 в поддержку правительственных мер). Через два года У. Питт-младший вновь предложил реформировать систему политического представительства. На этот раз предлагалось лишить права посылать своих представителей в парламента 36 «гнилых местечек», предоставив их избирателям финансовую компенсацию. Высвободившиеся 72 места предполагалось передать графствам и Лондону, предоставив избирательное право копигольдерам, платившим s40 годового налога, а также арендаторам. Этот законопроект также не был поддержан, правительственное меньшинство при этом составило 74 голоса (248 голосов против 174) [12, 376]².

В мае 1797 г. лорд Грей вносит предложение об увеличении представительства графств с 92 до 113 мест, предоставлении избирательного права копигольдерам, платившим s40 годового налога и арендаторам, а также домохозяевам (*potwalloper boroughs*) в городах, регулярно платившим местные налоги. Этот законопроект также ждала незавидная судьба: в его поддержку был подан 91 голос, тогда как число противников правительственных мер составило 256 человек. Наконец, предложение лорда Дж. Рассела в апреле 1822 г. лишить 100 «гнилых местечек» второго места в парламенте, передав высвободившиеся места графствам и новым горо-

² Характерно, что идея «выкупить» право посылать представителей в парламента была аналогична практике, используемой парламентом в XVII в., когда он предполагал купить некоторые из королевских прерогатив.

дам, до этого не представленным в парламенте, было провалено во втором чтении большинством в 105 голосов (164 голоса за предложение оппозиции и 269 голосов сторонников правительства против) [12, 376–377].

Таким образом, период конца XVII – начала XIX вв. стал поворотным моментом в эволюции системы политического представительства. Именно тогда произошел постепенный переход от персональной монархии к парламентской, и были заложены предпосылки трансформации системы парламентского правления в конституционные механизмы и структуры политического участия современного типа. Многие аспекты политической истории этого периода обретают совершенно особую эвристическую ценность, если признать, что переход от абсолютной монархии к конституционной представлял из себя не одномоментный акт, но достаточно растянутый во времени процесс.

Система политического представительства, существовавшая в XVIII в., превращала парламент в институт политической власти, представляющий не столько избирателей, сколько политическую элиту страны как таковую. Политическое представительство было организовано таким образом, что позволяло элите контролировать всю текущую политическую повестку. Корпоративное политическое представительство служило главной гарантией от чрезмерной финансовой зависимости королевской власти от произвольных решений парламентариев. Корона избегала такой зависимости, распределяя между ними свое покровительство. Элементы современного конституционного механизма, постепенно кристаллизующиеся в системе парламентской монархии во второй половине XVIII в., не могли играть ключевой роли, поскольку представительство в парламенте еще не было связано с современными демократическими механизмами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Айзенштат М. П.* Британия Нового времени. Политическая история. – М., 2007. – 203 с.
2. *Айзенштат М. П.* Британский парламент и общество в 30–40-е гг. XIX в. – М., 1997. – 397 с.
3. *Айзенштат М. П.* Выборы в графстве Оксфорд 1754 г. // Британские исследования. Вып. 3. / Под ред. И.М. Узародова. – Ростов-на-Дону, 2010. – С. 307-322.
4. *Хеншелл Н.* Миф абсолютизма. Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени. – СПб., 2003. – 272 с.
5. *Abstract of British Historical Statistics / Ed. by B. R. Mitchell & P. N. Deane.* – L., 1962.
6. *Bowring J.* Autobiographical Recollections of Sir John Bowring. – L., 1877.
7. *Cannon J.* Aristocratic Century. – Cambridge, 1984.
8. *Cannon J. P.* Parliamentary Reform, 1640-1832. – L., 1973.
9. *Clark J. C. D.* English Society, 1688-1832. – Cambridge, 1985.
10. *Clark J. C. D.* Revolution and Rebellion. – Cambridge, 1986.
11. *Eastwood D.* Peel and the Tory Party Reconsidered // History Today. – 1992 (March). – Vol. 42.
12. *Evans E. J.* The Forging of the Modern State, 1783–1870. – L., 1995.
13. *Gregg E.* Queen Anne. – L., 1984.
14. *Kamen H.* European Society, 1500-1700. – Hutchison, 1984.
15. *Lowe N.* Mastering Modern British History. – L., 1995.
16. *Miller J.* The Potential for «Absolutism» in later Stuart England // History. – 1984. – № 69.
17. *Pares R.* King George III and the Politicians. – Oxford, 1953.
18. *Peers, Politics & Power: The House of Lords, 1603-1911.* – L., 1986.
19. *Russell J.* Recollections and Suggestion, 1813-1873. By John Lord Russell. – L., 1875.
20. *Seymour C.* Electoral Reform in England and Wales. – L., 1915.

Статью рекомендовал к опубликованию д.ю.н., профессор А.Ю. Мордовцев.

Клочков Виктор Викторович – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Южный федеральный университет»; e-mail: vvklochkov@sfedu.ru; 347928, г. Таганрог, пер. Некрасовский, 44; тел.: 88634311427, 89286167321; кафедра теории права; зав. кафедрой; к.и.н.; доцент.

Klochkov Viktor Viktorovich – Federal State-Owned Autonomy Educational Establishment of Higher Vocational Education “Southern Federal University”; e-mail: vvklochkov@sfedu.ru; 44, Nekrasovskiy, Taganrog, 347928, Russia; phones: +78634311427, +79286167321; the department of theory of law; head the department; cand. of hist. sc.; associate professor.

УДК 34

В.С. Назарова

**ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ В КООРДИНАТАХ
«ТРАДИЦИЯ-МОДЕРНИЗАЦИЯ»: ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ**

Сделан анализ теории модернизации как распространенной объяснительной модели, ее становления, теоретического оформления и эволюции. Рассмотрена историография понятия модернизации с позиций двух подходов. Автор анализирует осмысление модернизации как научную парадигму, с одной стороны, и как историческую категорию, понимаемую как определенный исторический процесс либо как комплекс институциональных преобразований в эпоху Нового времени, с другой стороны. Также автором отмечены основания для критики теории модернизации и направления ее совершенствования на рубеже веков.

Модернизация; традиция; современность; институты.

V.S. Nazarova

**EVOLUTION OF POLITICAL INSTITUTIONS IN THE COORDINATES
«TRADITION-MODERNIZATION»: EXPLANATORY MODEL
IN HISTORICAL PERSPECTIVE**

The paper analyses theory of modernization as widespread explanatory model, its emergence, theoretical formulation and evolution. The article examines the historiography of the concept of modernization from the standpoint of the two approaches. Author analyses reflections on modernization as the scientific paradigm, on the one hand, and as the historical category, understood as a specific historical process or a set of institutional reforms in the Modern Age, on the other hand. Author also states basis for the critics of the theory of modernization and trends for its improvement at the turn of the centuries.

Modernization; tradition; modernity; institutions.

Изучение характера и направленности социальных и политических изменений является одной из ключевых проблем исторического познания. Замечание известного французского историка-анналиста Ж. ле Гоффа о том, что историк всегда предпочитает человеческие существа абстракциям, но не в состоянии понять их иначе, чем в рамках тех социальных и политических систем, в которых они жили, имеет совершенно особое значение в этом отношении [1]. Осмысление социально-политических трансформаций в различные исторические эпохи породило различные объяснительные модели как линейной эволюции, так и циклического развития социальных структур и политических институтов.